

Беженцы в Ленинграде и жилищная политика городских властей на начальном этапе войны и блокады*

Михаил Ходяков

¹Санкт-Петербургский государственный университет;

²Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Refugees in Leningrad and City Housing Policy in the Initial Stage of the War and the Blockade**

Mikhail Khodyakov

¹St Petersburg State University;

²St Petersburg Institute of History
of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia

This article investigates refugees in Leningrad during the initial stage of the Great Patriotic War (June – December 1941). A significant number of scholarly papers consider the evacuation process of Leningrad residents in 1941–1942, but research on is inexistent. At the end of June 1941, an unregulated flow of people poured into Leningrad; this required not only their speedy evacuation inland, but also brought to the fore the problem of the temporary resettlement of tens of thousands of rural and urban residents. The city was not fully prepared to solve this issue. Considering the state of Leningrad housing stock on the eve of the war, the author emphasises that the city authorities relied on the regulatory framework, which meant that residential buildings had to be used not only by state, cooperative, and public organisations, but also by departmental structures. The appearance of refugees in large cities required appropriate decisions on the level of the highest authorities. The archival

* Статья выполнена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 22–28–00617 «“Запретный город”: жилищная политика в Ленинграде в 1940-е годы».

** *Citation*: Khodyakov, M. (2022). Refugees in Leningrad and City Housing Policy in the Initial Stage of the War and the Blockade. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 455–468. DOI 10.15826/qr.2022.2.681.

Цитирование: Khodyakov M. Refugees in Leningrad and City Housing Policy in the Initial Stage of the War and the Blockade // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 455–468. DOI 10.15826/qr.2022.2.681 / Ходяков М. Беженцы в Ленинграде и жилищная политика городских властей на начальном этапе войны и блокады // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 455–468. DOI 10.15826/qr.2022.2.681.

materials indicate that leaders on various levels adopted a set of resolutions aimed at preventing the concentration of refugees in Leningrad. Governmental structures dealing with this problem, in addition to prohibitive measures that made it difficult for refugees to enter the city, made several organisational decisions meant to provide the necessary documents, food, and housing. To accommodate people, schools were turned into dormitories. Refugees got the opportunity to obtain temporary residence permits and ration cards, without which existence in the besieged city was impossible. At the same time, the evacuation of refugees from Leningrad region and the occupied bordering territories was actively carried out. An analysis of the documents demonstrates that, despite the measures taken, it was not possible to solve the refugee problems. Neither their evacuation, nor placement in dormitories, nor moving in with relatives or occupying vacated apartments could prevent the mass death of people who were not provided with material supplies.

Keywords: Great Patriotic War, blockade of Leningrad, refugees, housing policy

Исследуется проблема беженцев в Ленинграде на начальном этапе Великой Отечественной войны (июнь – декабрь 1941 г.) Отмечается, что при наличии значительного количества научных трудов, посвященных вопросам эвакуации жителей Ленинграда в 1941–1942 гг., исследовательских работ, освещающих проблему беженцев, пока не создано. Нерегулируемый поток людей хлынул в Ленинград в конце июня 1941 г., что потребовало не только их скорейшей эвакуации вглубь страны, но и вызвало к жизни проблему временного расселения десятков тысяч сельских и городских жителей. В полной мере к решению этой задачи город оказался не готов. Рассматривая состояние жилого фонда Ленинграда накануне войны, автор подчеркивает, что городские власти опирались на действовавшую нормативную базу, которая предусматривала использование жилых помещений не только государственными, кооперативными и общественными организациями, но и ведомственными структурами. Появление беженцев в крупных городах страны потребовало принятия соответствующих решений на уровне высших органов власти и управления. Вводимые в научный оборот материалы из архивов свидетельствуют о принятии руководителями различных уровней комплекса постановлений, направленных на недопущение концентрации беженцев в Ленинграде. Государственные структуры, занимающиеся этой проблемой, помимо запретительных мер, затруднявших въезд беженцев в город, разработали ряд организационных решений, направленных на обеспечение их необходимыми документами, питанием и жильем. Для размещения людей использовались помещения школ, превращенных в общежития. Создавались возможности получения временной прописки и продовольственных карточек, без которых существование в осажденном городе было невозможным. В то же время активно проводилась эвакуация беженцев, прибывших из Ленинградской области и приграничных оккупированных территорий. Анализ комплекса документов показал, что, несмотря

на принятые меры, решить проблему беженцев не удалось. Ни их эвакуация, ни размещение в общежитиях, ни подселение к родственникам или занятие ими освободившихся квартир не могли предотвратить массовой гибели людей, которые оказались не обеспечены в материальном и бытовом отношении.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, беженцы, жилищная политика

Жилищная проблема на протяжении всех лет советской власти оставалась одной из самых насущных и болезненных. Сегодня акцент нередко делается на том, что власть сознательно ограничивала все формы появления жилища и его распределение, кроме государственного строительства и государственного же распределения [Меерович].

Война наложила специфический отпечаток на принципы использования жилого пространства. Исследователи, обращаясь к изучению феномена эвакуации жителей Ленинграда, рабочих, учащихся, сотрудников учебных и научных учреждений, обращали внимание, что ленинградцы в итоге оказались разбросаны по всей стране, переезжая в Челябинск, Омск, Новосибирск, Башкирию, Татарстан и т. д. [Ковальчук; Побратимы; Сулейманова].

Зарубежные авторы, анализирувавшие направленность социально-экономической политики ленинградского руководства военного времени, преимущественно уделяли внимание тому, как в чрезвычайных условиях сражалось и работало население города, как решались проблемы продовольственного снабжения, каковы были практики выживания [Ганценмюллер; Hass; Hass, Lomagin; Jones; Reid]. Вопрос о том, как были обеспечены жилой площадью десятки тысяч беженцев, поток которых хлынул в Ленинград в конце июня 1941 г., в полной мере своего отражения в трудах отечественных и зарубежных историков не получил.

На официальном уровне представители власти предпочитали говорить об эвакуации, подчеркивая тем самым планомерный и организованный характер переселения больших масс людей, хотя категория «беженец» присутствует и в официальных документах начального этапа войны. В постановлении СНК «О порядке эвакуации в военное время» от 5 июля 1941 г., утвержденном Политбюро ЦК ВКП(б), говорилось о недопущении проникновения в Москву «эвакуируемых и беженцев». Беженцев предписывалось снимать с поездов и направлять в пункты эвакуируемых [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 424. Л. 78]. В постановлении ГКО «Об организации Управления по эвакуации населения при Совете по эвакуации», принятом 26 сентября 1941 г., определялись задачи новой структуры, действовавшей до конца января 1942 г. [Там же. Д. 423. Л. 22]. Через своих уполномоченных создававшееся управление должно было заниматься организацией эвакуации населения «из прифронтовой

полосы» через «местные органы советской власти» [РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 19. Л. 68–69]. Тем самым подчеркивался стихийный характер беженства в противовес организуемой государственными структурами эвакуации граждан.

Представляют интерес административные практики военной поры, реализовывавшиеся усилиями региональных руководителей [Хлевнюк]. Одним из приоритетных направлений деятельности партийного и советского руководства являлось городское хозяйство. Его состоянию в блокированном Ленинграде, оценке организационных и правовых аспектов деятельности нижнего исполнительного звена этой системы посвящен ряд исследований [Иванов В. А., Иванов Д. В., с. 97–112]. Использование документов высших органов власти и управления, отложившихся в РГАНИ и РГАСПИ, материалов исполкома Ленгорсовета, Ленинградской городской эвакуационной комиссии, хранящихся в ЦГА СПб, решений и распоряжений Ленгорсовета позволяет составить более четкое представление о путях и методах решения жилищной проблемы в Ленинграде, население которого к началу 1941 г. по официальным данным Центрального статистического управления СССР составляло 3155 тыс. чел. [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1010. Л. 111].

Жилищное хозяйство Ленинграда накануне войны

Большого количества свободной жилой площади в городе не было никогда [Ваксер, с. 6]. В своих действиях, касавшихся распределения жилья и содержания домов, городские чиновники руководствовались союзной и республиканской нормативными базами. 24 апреля 1941 г. исполком Ленгорсовета принял решение «О ликвидации задолженности по квартирной и арендной плате». Содержание документа свидетельствовало о неблагоприятном положении дел в вопросе аренды жилых помещений государственными, кооперативными и общественными организациями, учреждениями и предприятиями. В результате было запланировано «на ближайшем заседании исполкома» заслушать вопрос об эксплуатации ведомственного жилья [Бюллетень, 1941, № 21–22, с. 5]. Кроме того, на заседании исполкома Ленгорсовета 24 апреля были утверждены документы, призванные сыграть важную роль в сохранении жилого фонда Ленинграда в целом [Там же, с. 5–10].

К весне 1941 г., по данным начальника жилищного управления исполкома Ленгорсовета М. А. Ханутина, на руках у населения было от 50 до 60 тыс. карточек-разрешений на право пользования дополнительной жилплощадью. Планировалось провести срочную общую перерегистрацию этих документов, в ходе которой предполагалось выявить «резервную жилую площадь, используемую без особой необходимости владельцами карточек из-за неправильно предоставленной им льготной оплаты, и в значительной мере увеличить поступления от квартирной платы» [ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 238. Л. 123].

В начале июня 1941 г. в Главном управлении жилищного хозяйства Наркомата коммунального хозяйства РСФСР был разработан проект постановления СНК СССР о мероприятиях по улучшению управления и эксплуатации жилого фонда в РСФСР. В документе отмечалось, что после издания постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда и об улучшении жилищного хозяйства в городах» и передачи управления жилым фондом в непосредственное ведение местных советов, государственных учреждений и промышленных предприятий управление домами значительно улучшилось. Вместе с тем оперативное руководство работой жилищных органов оставляло желать лучшего. Отсутствовал контроль за работой управляющего домом, который не отвечал за правильное ведение домового хозяйства, своевременный ремонт и надлежащее качество этого ремонта. Съемщики нередко содержали квартиры и места общего пользования в неудовлетворительном состоянии, в отдельных случаях разрушали жилой фонд и не несли за это ответственности [ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 238. Л. 3–5]. Постановлением предполагалось подчинить жилищные управления соответствующим исполкомам на правах их отделов.

Беженцы в Ленинграде и их эвакуация

Стремительное наступление немецко-фашистских войск на северо-западном направлении привело к росту числа беженцев, хлынувших в Ленинград. С целью ограничения их количества 28 июня 1941 г. в ленинградских газетах был опубликован приказ по гарнизону о порядке въезда в город [Ленинградская правда, 1941, 28 июня]. Через день, 29 июня, последовало разъяснение коменданта гарнизона о категориях населения и обстоятельствах, которые позволяли въезжать в город. Без справки, выданной предприятием, учреждением или организацией, подтверждающей факт работы человека в Ленинграде, без паспорта с отметкой о прописке, а для колхозников – без удостоверения, выданного правлением колхоза, и паспорта въезд в город запрещался [Там же, 29 июня].

Для регулирования процесса приема прибывающих решением СНК СССР и исполкома Ленгорсовета от 30 июня был образован городской эвакуопункт [ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 10. Л. 1]. Его функции заключались в учете и обеспечении беженцев необходимыми документами и продовольствием. Важнейшей составляющей работы городского эвакуопункта стало обеспечение беженцев жилищами. Для приема прибывающих в Ленинград граждан и их дальнейшей эвакуации из города были организованы эвакуопункты на Московском, Финляндском, Балтийском, Витебском вокзалах, в Ленинградском порту, на станциях Московская сортировочная и Кушелевка. Для размещения и временного проживания эвакуированных в прилегающих к вокзалам школах были созданы общежития. Директорам школ, педагогическому и административному персоналу учебных заведений, начальникам обще-

житий вменялись в обязанность организация приема и оказание помощи беженцам. В школы-общежития должны были завозиться кровати и постельные принадлежности, там должны были создаваться детские комнаты [ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 10. Л. 2]. Действительность, однако, далеко не всегда соответствовала официальным установкам.

4 июля 1941 г. на заседании комиссии по вопросам обороны Ленинграда обсуждался вопрос «О порядке эвакуации из сельских районов области». П. С. Попкову и Н. В. Соловьеву поручалось «за вечер 4 июля» уточнить свои предложения и «внести их в комиссию». В районах, непосредственно прилегавших к Северо-Западному фронту, порядок эвакуации населения должен был согласовываться с военным советом фронта [Ленинград в осаде, с. 32].

Вопросы эвакуации лиц, прибывавших в Ленинград из прифронтовой полосы, и позже являлись предметом рассмотрения партийного, советского и военного руководства. 1 сентября 1941 г. был принят соответствующий проект постановления бюро ленинградских областного (ЛОК) и городского (ЛГК) комитетов ВКП(б). Он предусматривал осуществление эвакуации населения вглубь страны через Шлиссельбург. Предполагалось, что Всеволожский райисполком и Шлиссельбургский горсовет обеспечат прием и временное размещение эвакуированных, «выделив для этой цели необходимые помещения» [Блокада в решениях, с. 79–80]. 3 сентября постановление об отправке беженцев «с их имуществом, лошадьми и повозками из г. Ленинграда до ст. Шлиссельбург» принял Военный совет Ленинградского фронта [ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 36. Д. 62. Л. 128–130]¹. В этом документе полностью повторялись все пункты проекта постановления ЛГК и ЛОК от 1 сентября. Однако спустя всего несколько дней железнодорожное сообщение Ленинграда со страной было прервано и эти постановления в полной мере не могли быть реализованы.

По официальным данным, содержащимся в отчете начальника городского эвакуационного пункта исполкома Ленгорсовета А. А. Барского, подготовленном в июле 1942 г., до конца августа 1941 г. из Ленинграда через городской эвакуационный пункт в различные регионы страны было эвакуировано 147,5 тыс. беженцев, прибывших из Ленинградской области, Карело-Финской, Эстонской, Латвийской ССР и других оккупированных территорий [Карасев, с. 199; Соболев, с. 70; ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 10. Л. 3]. Дополнительно к этому еще 9,5 тыс. чел., сопровождавших скот и имущество, были отправлены из города «пешим способом» [ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 10. Л. 3].

Весной 1942 г. А. А. Жданов, докладывая И. В. Сталину о выполнении решения центрального руководства по эвакуации из Ленинграда 500 тыс. чел., назвал цифру 554186 вывезенных из города за период

¹ Автор признателен кандидату исторических наук, старшему научному сотруднику К. А. Болдовскому (Санкт-Петербургский институт истории РАН) за указание на соответствующее постановление Военного совета Ленинградского фронта.

с 29 июня 1941 г. по 15 апреля 1942 г. [ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–2]. При этом он, не употребляя слово «беженцы», упомянул лишь о чуть более чем 35 тыс. тех, кто к этой категории относился: о 8 135 чел. «населения с эвакуопунктов», то есть ранее эвакуированных в Ленинград из районов области, и о 27 274 «колхозниках с Карельского перешейка» [Там же. Л. 2, 3а]. Заместитель председателя Совета по эвакуации при СНК СССР, а затем уполномоченный ГКО в Ленинграде А. Н. Косыгин, направляя председателю ГКО сведения об эвакуированных из города за период с 22 января по 11 апреля 1942 г. и также избегая упоминания о беженцах, приводил данные о 539 400 чел. И. В. Сталин оценил проведенную работу и сделал на документе помету: «Хорошо. Нужно его наградить» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 430. Л. 98].

В связи с нахождением в Ленинграде большого количества эвакуированного населения перед городским эвакуопунктом встала задача организации стандартных общежитий для длительного проживания в них беженцев. Решением исполкома Ленгорсовета от 2 сентября 1941 г. под общежития для беженцев к существовавшим семи было отведено еще 35 школ в различных районах города. Вместе с ранее образованными количество общежитий для этой категории населения достигло 42. К лету 1942 г. через них прошли 64,7 тыс. чел. [ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 10. Л. 4]. Часть беженцев была трудоустроена и направлена на торфо- и лесозаготовки, на ГЭС и переселена в общежития предприятий и организаций [Ленинград в осаде, с. 590].

30 июля 1941 г. согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня «О военном положении» и на основании указания военных властей исполком Ленгорсовета принял решение «Об ответственности граждан и должностных лиц за нарушение правил прописки в Ленинграде, Кронштадте, Колпино, Петергофе и Пушкине» [Бюллетень, 1941, № 30, с. 1]. В соответствии с принятым решением управдомы, коменданты и домовладельцы были обязаны «строго следить за лицами, вновь прибывшими для проживания в дом, требуя от них немедленной личной явки в отделение милиции для разрешения вопроса о прописке». За нарушение установленного порядка виновные (включая ответственных съемщиков жилплощади) несли строгую ответственность. Отсутствие паспорта или прописки у поселившегося в доме предусматривало административную ответственность в виде штрафа до 3 тыс. руб. или лишения свободы сроком до шести месяцев. Оформление прописки лиц, получивших разрешение милиции на проживание, должно было производиться в течение 24 часов [Там же].

Наплыв беженцев в город подтолкнул исполком Ленгорсовета к принятию 11 сентября 1941 г. разрешения прибывшим из прифронтовой полосы на проживание и прописку на частных квартирах у родственников и знакомых. Начальнику управления милиции Е. С. Грушко предлагалось дать соответствующие указания начальникам городских отделений милиции. По сведениям городского эва-

копункта, таким образом в городе были размещены 32,7 тыс. чел. [ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 10. Л. 6]. Лица, имевшие временную прописку, могли рассчитывать на получение продовольственных карточек, которые после этого выдавались им «на общих основаниях» [Бюллетень, 1941. № 36, с. 2]. Кроме проживавших на эвакуопунктах и на частных квартирах Ленинграда, еще 20,7 тыс. чел. эвакуированных поселились во Всеволожском и Парголовском районах [ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 10. Л. 8]. По милицейским данным, которые серьезно отличались от отчетных сведений городского эвакуопункта, к началу декабря 1941 г. в Парголовском и Всеволожском районах было размещено 52 319 беженцев [Ленинград в осаде, с. 589]. Всего, согласно материалам городского статистического управления, с июля по октябрь 1941 г. в Ленинград прибыли 116 256 чел. [Там же, с. 350].

Постановлением военного совета Ленинградского фронта от 13 сентября дальнейший допуск в Ленинград лиц, эвакуированных из прифронтовой полосы, запрещался. Предусматривалось рассредоточение беженцев по колхозам, совхозам, школам, клубам, общежитиям и по частным квартирам в порядке уплотнения. Областным властям предписывалось создавать сборные пункты на шоссежных дорогах и железнодорожных станциях около Ленинграда, не допуская население из прифронтовых районов в город [Там же, с. 273–274].

Замкнувшееся кольцо блокады и бои на ближних подступах к городу привели к тому, что 16 сентября Военный совет Ленинградского фронта принял постановление, в соответствии с которым исполкомы были обязаны эвакуировать больницы, родильные дома, детские сады, а также женщин с детьми из южных пригородных районов в северные районы Ленинграда. Переселение осуществлялось «в обязательном порядке» и должно было быть осуществлено в двухдневный срок. Население, проживавшее в пригородных районах, переселялось в Парголовский и Всеволожский районы, а граждане, проживавшие в Кировском, Московском и Володарском районах, в количестве 51 тыс. чел. направлялись в Василеостровский, Петроградский, Свердловский, Приморский, Выборгский и Красногвардейский районы. В ходе «внутренней эвакуации» этой категории переселяемых предлагались комнаты, освободившиеся в связи с выездом части жителей из Ленинграда. Их также подселяли «в порядке уплотнения» в квартиры ленинградцев, проживавших не только в домах, находившихся в ведении райсоветов, но и в ведомственном жилом фонде [Там же, с. 56]. Контроль за переселением и в этот раз возлагался на Е. С. Грушко. Прибегая к «уплотнению», руководство города, вероятно, исходило также из того, что к тому времени несколько десятков тысяч ленинградцев пользовались «дополнительной жилплощадью» сверх установленной нормы.

Перебравшаяся из Пушкина (Царского Села) в Ленинград художница А. П. Остроумова-Лебедева во второй половине сентября стала свидетелем передвижения по Невскому проспекту значительных масс беженцев, зафиксировав увиденное в дневнике:

По мостовой без конца тянулись вереницы деревенских повозок со всевозможным людским скарбом. Среди узлов, вещей и домашней утвари выглядывали в повозках маленькие дети, стояли корзины с кудахтающими курами и утками. Сзади шли привязанные коровы, овцы, козы. Это беженцы из окрестностей Ленинграда, Луги, Вырицы, Павловска, г. Пушкина, Кингисеппа и т. д. вливались в наш окруженный город [Остроумова-Лебедева, с. 257].

Эвакуация коснулась и ряда промышленных предприятий. 18 сентября ЛГК принял решение «Об эвакуации Ижорского завода», располагавшегося в Колпино, в непосредственной близости от которого проходила линия фронта. Вывозу подлежало не только оборудование, но и «людской состав». Исполкому Ленгорсовета было предложено «обеспечить временное размещение эвакуируемых работников Ижорского завода с семьями в г. Ленинграде» [Блокада в решениях, с. 295]. Часть эвакуированных поселили в одном из студенческих общежитий ЛГУ на 5-й линии Васильевского острова в доме № 66 [Ленинградский университет, с. 89; Помним, с. 139–140].

Предвидя процесс уплотнения и опасаясь его, начальник ленинградского административно-хозяйственного управления АН СССР 19 сентября направил одному из заместителей председателя исполкома Ленгорсовета Б. М. Мотылеву письмо, в котором содержалась «настоятельная просьба» дать указание райсоветам и Ленжилуправлению «не занимать квартиры академиков и членов-корреспондентов АН СССР переселяемыми из других районов города». Просьба мотивировалась тем, что указанные категории ученых имеют «очень ценные рукописи и большие библиотеки, которые могут быть подвергнуты расхищению», и тем, что большинство академиков являются людьми преклонного возраста, ведущими работу «большей частью в своих квартирах» [ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 244. Л. 38].

26 сентября ГКО принял решение воспретить прописку беженцев и эвакуированных из прифронтовой полосы, прибывающих неорганизованным порядком в областные центры местностей, в которых было объявлено военное положение, а также в целый ряд городов страны. В паспортах в графе «Особые отметки» должна была делаться запись, ограничивающая проживание в указанных постановлением местностях [РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 10. Л. 95]. Люди попали в тяжелую ситуацию, которую зафиксировал современник тех событий:

Ленинград был окружен кольцом из крестьянских телег. Их не пускали в Ленинград. Крестьяне стояли таборами со скотом, плачущими детьми, начинавшими мерзнуть в холодные ночи. Первое время к ним ездили за молоком и мясом: скот резали. К концу 1941 г. все эти крестьянские

обозы вымерзли. Вымерзли и те беженцы, которых рассовали по школам и другим общественным зданиям... Наконец, в первую очередь вымирали и те, которые подвергались «внутренней эвакуации» из южных районов города: они тоже были без вещей, без запасов [Лихачев, с. 321].

Необходимость предоставления жилья тем, кто были вынуждены покинуть свои дома, привела к тому, что 27 сентября исполком Ленгорсовета принял решение «О порядке вселения и оплаты жилой площади гражданами, временно переселяемыми из некоторых районов гор. Ленинграда» [Бюллетень, 1941, № 37, с. 1]. В связи с «временной эвакуацией населения» исполкомы районных советов должны были выдавать переселяемым временные ордера. Переселение производилось в свободные помещения учреждений и учебных заведений, пригодные для жилья, в свободные жилые помещения – «забронированные, занимавшиеся лицами, временно эвакуированными из г. Ленинграда, находящимися в рядах Красной армии и т. д.», а также в порядке уплотнения граждан, в том числе и при наличии у съемщика права на дополнительную жилплощадь. Домоуправления должны были заключать с лицами, вселенными на свободную площадь, временный договор имущественного найма без указания сроков его действия. Одним из условий такого договора было то, что вселяемый был обязан освободить жилую площадь в 7-дневный срок со дня получения предложения и переехать на прежнее место жительства [Там же]. Мебель и другое имущество, находившееся в свободных жилых помещениях, предоставляемых «временно вселенным» лицам, сдавались управляющим домом под расписку на ответственное хранение вселяемым.

В специальном сообщении управления НКВД Ленинградской области от 28 ноября 1941 г., посвященном жилищным и бытовым вопросам эвакуированного населения, были отражены неудовлетворительные условия проживания 64 552 беженцев в ряде районов области. Большинство общежитий эвакуопунктов, где они размещались, не отапливались, в них отсутствовали вода и постельные принадлежности, в ряде случаев эвакуированным не выдавались продовольственные карточки, что обрекало их на смерть [Ленинград в осаде, с. 274–275].

Отчет о деятельности городского эвакуопункта за 1941 – первую половину 1942 г. обходит стороной вопрос о смертности среди тех, кто был вынужден проживать в общежитиях. Однако фраза из официального документа о существовавших там «совершенно ненормальных бытовых условиях» [ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 10. Л. 9] не оставляет сомнений в том, что заболеваемость и смертность в эвакуопунктах в ходе первой блокадной зимы были чрезвычайно высокими. Переселенцы погибали и в ходе налетов вражеской авиации. В результате бомбежки 26 ноября 1941 г. был разрушен флигель студенческого общежития на Васильевском острове, где размещались эвакуированные из Колпино рабочие Ижорского завода и их семьи. Общее число погибших тогда составило около 100 чел. [Соболев, Ходяков, с. 19].

Участь тех, кто все же были эвакуированы из города зимой 1941–1942 гг., часто была предсказуемой. Исследователи проблемы, ссылаясь на свидетельства «начальника посадки» эвакопункта Борисова Грива, упомянули о судьбе беженцев из эшелона, который 3 декабря 1941 г. прибыл на железнодорожную станцию вблизи Ладожского озера и насчитывал 2 тыс. чел., оказавшихся в Ленинграде в начальный период войны. Люди были настолько ослаблены и истощены, что идти пешком через озеро для того, чтобы преодолеть расстояние свыше 60 км, не могли. Местные жители Борисовой Гривы были не готовы к приему и размещению столь значительного количества эвакуируемых, нередко отказывая им в крове. К середине декабря половина беженцев этого эшелона умерла [Пянкевич, Чистиков, с. 62].

* * *

К началу апреля 1942 г., по данным начальника городского эвакопункта А. А. Барского, сообщенным секретарю ЛГК ВКП(б) и председателю городской эвакуационной комиссии А. П. Смирнову, в результате проведенной эвакуации населения количество общежитий для беженцев в Ленинграде сократилось до четырех. Остальные помещения были освобождены и переданы основным владельцам – школам. В действовавших общежитиях продолжали оставаться 844 чел.: 459 взрослых и 385 детей. Причем к категории «возможных к эвакуации» к тому моменту были отнесены только 320 чел. Остальные оказались либо совершенно ослаблены и подлежали госпитализации в районные стационары, либо не могли эвакуироваться из-за болезни членов семьи [ЦГА СПб. Ф. 303. Оп. 1. Д. 19. Л. 28]. Еще некоторое время городским властям понадобилось для того, чтобы решить вопросы, связанные с функционированием двух эвакопунктов, отнесенных к категории дежурных. 30 июня 1942 г. на основании решения Ленгорисполкома городской эвакопункт «в связи с окончанием поставленных перед ним задач» был окончательно ликвидирован [Там же. Л. 1].

Несмотря на усилия, которые были предприняты руководством Ленинграда в решении проблемы эвакуации беженцев, судьба большинства из них оказалась трагичной. Условия пребывания тысяч людей в общежитиях эвакопунктов, трудности регистрации в городе, злоупотребления при выдаче продовольственных карточек и в процессе обеспечения беженцев продовольствием, сложности их транспортировки на «большую землю», ранняя и суровая зима приводили к высокой смертности. На это накладывалась слабая организация в вопросах закрепления и распределения городского жилого фонда, который, находясь в ведении местных советов, в годы войны неоднократно переходил из рук в руки без соответствующего юридического оформления и материально-технического сопровождения [Иванов В. А., Иванов Д. В., с. 107]. Часть домов в Ленинграде на про-

тяжении всей блокады так и оставались бесхозными, находясь в «безответственном владении». Подселение к родственникам в большинстве случаев не означало для беженцев улучшения их материальных и бытовых условий.

Список литературы

Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний. Часть 1: Июнь 1941 г. – март 1942 г. / отв. сост. К. А. Болдовский. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2019. 863 с.

Бюллетень Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1941. № 21–22, 30, 36, 37.

Ваксер А. З. Ленинград послевоенный. 1945–1982 годы. СПб. : Остров, 2005. 436 с.

Ганценмюллер Й. Осажденный Ленинград. Город в стратегических расчетах агрессоров и защитников. 1941–1944. М. : Центрполиграф, 2019. 511 с.

Иванов В. А., Иванов Д. В. ЖКХ блокадного Ленинграда (организационные и правовые аспекты функционирования низовых структур в 1941–1943 гг.) // Война и блокада : сб. памяти В. М. Ковальчука / отв. ред. А. Н. Чистиков. СПб. : Нестор-История, 2016. С. 97–112.

Карасев А. В. Ленинградцы в годы блокады. 1941–1943. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 315 с.

Ковальчук В. М. Эвакуация населения Ленинграда летом 1941 г. // Отечественная история. 2000. № 3. С. 15–24.

Ленинград в осаде : сб. док. о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 / отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб. : Лики России, 1995. 640 с.

Ленинградская правда. 1941. 28 июня, 29 июня.

Ленинградский университет в Великой Отечественной : очерки / отв. ред. Ю. Д. Марголис. Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. 325 с.

Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб. : Logos, 1995. 519 с.

Меерович М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М. : РОССПЭН, 2008. 303 с.

Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические записки : в 3 т. М. : Центрполиграф, 2003. Т. 3. 463 с.

Побратимы : Регионам, принявшим жителей блокадного Ленинграда, посвящается : сб. ст. / отв. ред. Ю. З. Кантор. М. : РОССПЭН, 2019. 951 с.

Помним. Колпинская Книга Памяти / предс. ред. колл. О. А. Черезов. СПб. : Агат, 1995. 430 с.

Пянкевич В. Л., Чистиков А. Н. Пешком по озеру: эвакуация населения из Ленинграда в конце ноября – начале декабря 1941 г. // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 1. С. 56–69. DOI 10.21638/11701/spbu24.2019.103.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 423, 424, 426, 430.

РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 10; Оп. 2. Д. 19.

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1010.

Соболев Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде : [в 3 кн.]. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2013. Кн. 1. Июнь 1941 – май 1942. 696 с.

Соболев Г. Л., Ходяков М. В. Потери Ленинградского университета в годы Великой Отечественной войны // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер.: История. 2010. Вып. 2. С. 14–23.

Сулейманова Р. Н. Жизнь в эвакуации : Ленинградские жители в Башкирии в годы Великой Отечественной войны // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 1. С. 39–52. DOI 10.21638/11701/spbu24.2020.103.

Хлевнюк О. В. Административные практики в советском тылу: между централизацией и автономией // Советский тыл 1941–1945: повседневная жизнь в годы войны / отв. сост. Б. Физелер, Р. Д. Марквик. М. : Полит. энцикл., 2019. С. 257–275.

ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 5, 10, 19; Ф. 7384. Оп. 17. Д. 238, 244; Оп. 36. Д. 62.

Jones M. Leningrad. State of Siege. N. Y. : Basic Books, 2008. 322 p.

Hass J. K. Wartime Suffering and Survival. The Human Condition under Siege in the Blockade of Leningrad, 1941–1944. N. Y. : Oxford Univ. Press, 2021. 411 p.

Hass J. K., Lomagin N. A. Making Peace with War: Adaptation and the Soviet Political Economy in the Blockade of Leningrad // *Modern History of Russia*. 2020. Vol. 10, № 1. P. 53–69. DOI 10.21638/11701/spbu24.2020.104.

Reid A. Leningrad. The Epic Siege of World War II, 1941–1944. N. Y. : Walker and Co., 2011. 492 p.

References

Boldovskiy, K. A. (Ed.). (2019). *Blokada v resheniyakh rukovodyashchikh partiinykh organov Leningrada. 1941–1944 gg. Postanovleniya byuro leningradskikh gorkoma i obkoma VKP(b), stenogrammy zasedanii. Ch. 1. Iyun' 1941 g. – mart 1942 g.* [The Blockade in the Decisions of the Leading Party Bodies of Leningrad. 1941–1944. Resolutions of the Bureau of the Leningrad City Committee and Regional Committee of the CPSU and Transcripts of Meetings. Part 1. June 1941 – March 1942]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 863 p.

Bulleten' Leningradskogo gorodskogo Soveta deputatov trudyashchihsya [Bulletin of the Leningrad City Council of Working People's Deputies]. (1941). No. 21–22, 30, 36, 37.

Cherezov, O. A. (Ed.). (1995). *Pomnim. Kolpinskaya Kniga Pamyati* [Remember. The Kolpino Book of Memory]. St Petersburg, Agat. 430 p.

Dzeniskevich, A. R. (Ed.). (1995). *Leningrad v osade. Sbornik dokumentov o geroicheskoi oborone Leningrada v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1944* [Leningrad under Siege. A Collection of Documents on the Heroic Defense of Leningrad during the Great Patriotic War of 1941–1944]. St Petersburg, Liki Rossii. 640 p.

Genzenmüller, J. (2019). *Osazhdennyi Leningrad. Gorod v strategicheskikh raschetakh agressorov i zashchitnikov. 1941–1944* [Besieged Leningrad. The City in the Strategic Calculations of Aggressors and Defenders. 1941–1944]. Moscow, Tsentrpoligraf. 511 p.

Hass, J. K. (2021). *Wartime Suffering and Survival. The Human Condition under Siege in the Blockade of Leningrad, 1941–1944*. N. Y., Oxford Univ. Press. 411 p.

Hass, J. K., Lomagin, N. A. (2020). Making Peace with War: Adaptation and the Soviet Political Economy in the Blockade of Leningrad. In *Modern History of Russia*. Vol. 10. No. 1, pp. 53–69. DOI 10.21638/11701/spbu24.2020.104.

Ivanov, V. A., Ivanov, D. V. (2016). ZhKKh blokadnogo Leningrada (organizatsionnye i pravovye aspekty funktsionirovaniya nizovykh struktur v 1941–1943 gg.) [The Housing and Communal Services of Besieged Leningrad (Organisational and Legal Aspects of the Functioning of Grassroots Structures in 1941–1943)]. In Chistikov, A. N. (Ed.). *Voina i blokada. Sbornik pamyati V. M. Koval'chuka*. St Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 97–112.

Jones, M. (2008). *Leningrad. State of Siege*. N. Y., Basic Books. 322 p.

Kantor, Yu. Z. (Ed.). (2019). *Pobratimyye: regionam, prinyavshim zhitelei blokadnogo Leningrada, posvyashchaetsya. Sbornik statei* [Brothers: Dedicated to the Regions that Received the Inhabitants of Besieged Leningrad. Digest of Articles]. Moscow, ROSSPEN. 951 p.

Karasev, A. V. (1959). *Leningradtsy v gody blokady. 1941–1943* [Leningraders during the Blockade. 1941–1943]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 315 p.

Khlevnyuk, O. V. (2019). Administrativnye praktiki v sovetskom tylu: mezhdutseentralizatsiei i avtonomiei [Administrative Practices in the Soviet Rear: Between Centralisation and Autonomy]. In Fizeler, B., Markvik, R. D. (Eds.). *Sovetskii tyl 1941–1945: povsednevnyaya zhizn' v gody voiny*. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, pp. 257–275.

Koval'chuk, V. M. (2000). Evakuatsiya naseleniya Leningrada letom 1941 g. [Evacuation of the Population of Leningrad in the Summer of 1941]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 3, pp. 15–24.

- Leningradskaya pravda* [*Leningradskaya Pravda*]. (1941). June 28, 29.
- Likhachev, D. S. (1995). *Vospominaniya* [Memoirs]. St Petersburg, Logos. 519 p.
- Margolis, Yu. D. (Ed.). (1990). *Leningradskii universitet v Velikoi Otechestvennoi. Ocherki* [Leningrad University in the Great Patriotic War. Essays]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. 325 p.
- Meerovich, M. G. (2008). *Nakazanie zhilishchem: zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi (1917–1937 gody)* [Punishment by Housing: Housing Policy in the USSR as a Means of Managing People (1917–1937)]. Moscow, ROSSPEN. 303 p.
- Ostroumova-Lebedeva, A. P. (2003). *Avtobiograficheskie zapiski v 3 t.* [Autobiographical Notes. 3 Vols.]. Moscow, Tsentrpoligraf. Vol. 3. 463 p.
- Piankevich, V. L., Chistikov, A. N. (2019). Peshkom po ozeru: evakuatsiya naseleniya iz Leningrada v kontse noyabrya – nachale dekabrya 1941 g. [Walking over the Lake: The Evacuation of the Population from Leningrad in Late November and Early December 1941]. In *Noveishaya istoriya Rossii*. Vol. 9. No. 1, pp. 56–69. DOI 10.21638/11701/spbu24.2019.103.
- Reid, A. (2011). *Leningrad. The Epic Siege of World War II, 1941–1944*. N. Y., Walker and Co. 492 p.
- RGAE [Russian State Archive of Economics]. Stock 1562. List 329. Dos. 1010.
- RGANJ [Russian State Archive of Contemporary History]. Stock 3. List 50. Dos. 423, 424, 426, 430.
- RGASPI [Russian State Archive of Socio-Political History]. Stock 644. List 1. Dos. 10; List 2. Dos. 19.
- Sobolev, G. L., Khodyakov, M. V. (2010). Poteri Leningradskogo universiteta v gody Velikoi Otechestvennoi voyny [The Losses of Leningrad University during the Great Patriotic War]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 2, pp. 14–23.
- Sobolev, G. L. (2013). *Leningrad v bor'be za vyzhivanie v blokade v 3 kn.* [Leningrad in the Fight for Survival in the Blockade. 3 Books]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Book 1. Iyun' 1941 – mai 1942. 696 p.
- Suleimanova, R. N. (2020). Zhizn' v evakuatsii. Leningradskie zhiteli v Bashkirii v gody Velikoi Otechestvennoi voyny [Life in Evacuation: Leningraders in Evacuation in Bashkiria during the Great Patriotic War]. In *Noveishaya istoriya Rossii*. Vol. 10. No. 1, pp. 39–52. DOI 10.21638/11701/spbu24.2020.103.
- TsGA SPb [Central State Archive of St Petersburg]. Stock 330. List 1. Dos. 5, 10, 19; Stock 7384. List 17. Dos. 238, 244; List 36. Dos. 62.
- Vakser, A. Z. (2005). *Leningrad poslevoennyi. 1945–1982 gody* [Postwar Leningrad. 1945–1982]. St Petersburg, Ostrov. 436 p.

The article was submitted on 31.01.2022